

ПРОТИВНИК ИНФОРМАЦИОННОГО КИЛЛЕРСТВА

«Когда люди используют эфир для того, чтобы уничтожить своих оппонентов, — это чистый большевизм», —

считает автор и ведущий программы «Постскриптум» Алексей Пушков

Независимая
1993-1999-март (№5), - с. 12

Антонина Крюкова

АЛЕКСЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ, согласитесь, представлять сегодня еженедельную аналитическую программу на телевидении, когда есть «Итоги», «Зеркало» и «Обозреватель», довольно рискованное дело. Для этого, наверное, должны быть достаточно веские причины. Почему вы все-таки рискнули?

— Я пришел на телевидение в 1995 году, когда, на мой взгляд, наступил медиатический кризис печатных средств массовой информации, а телевидение, наоборот, набирало силу, превращалось в инструмент широкого политического воздействия. Меня пригласил на ОРТ Сергей Благоволин, который тогда пришел туда гендиректором. Первые три года я не занимался эфиром, хотя сделал несколько интервью ведущих мировых политиков. Скажем, интервью Гельмута Коля, генерального секретаря НАТО, министров иностранных дел Франции, Великобритании и т.д. В течение нескольких месяцев обсуждалась с Борисом Березовским возможность создания моей программы на ОРТ. У меня сложилось впечатление, что у Березовского — в соответствии с его общим взглядом на вещи — есть свой взгляд и на ОРТ: канал должен быть наступательным, агрессивным. Моя же концепция программы была иной, за образец я брал, скажем, Би-би-си. То есть мы вам даем информацию, анализ, конечно же, определяем свое отношение к происходящему, но не навязываем свои позиции — зрители сами делают вывод. Я считаю, что агрессивный подход — неправильный подход, потому что нельзя каждую политическую телепередачу превращать в инструмент уничтожения противника. В конце 1997 года, когда ушел Благоволин, я понял, что не вписываюсь в развлекательно-агрессивную концепцию ОРТ. И тогда мне предложили делать аналитическую программу на ТВ Центре. Она должна была быть актуальной и иной, чем

Алексей Пушков.

другие аналитические программы. Мне показалось это интересным, и я согласился. Хотелось, может быть, даже как-то повлиять на характер современного телевидения, потому что, мне казалось, нельзя превращать все-таки политическую аналитику и информацию исключительно в сферу интриг или неприкрытой политической агрессии.

— Что вас не устраивает в «Итогах» или «Зеркале»?

— Это очень профессиональные программы. Но подавляющее внимание в них уделяется интригам власти и вокруг власти. Это их специфика. Это программы о власти и борьбе за власть. На мой взгляд, политика не исчерпывается одной только властью. Есть, например, национальные интересы России. Причем подлинными интересами России со сменой власти не меняются, в целом они остаются прежними. Скажем, каковы российские интересы в Прибалтике? Как нам смотреть на Курдистан? Правильно ли мы дали понять Оджалану, что ему надо покинуть страну? Какие были сделаны ошибки в российской внешней политике при воссоединении Германии? То есть я беру ракурс, который мне кажется более долгосрочным.

Я решил взять вопросы, которые являются очень важными, но менее известны широкому зрителю.

— Сколько событий политической жизни вы обычно рассматриваете в своей программе?

— Максимум два. Скажем, в прошлое воскресенье отставка Березовского рассматривалась не с точки зрения того, насколько она выгодна Примакову, а прежде всего что это будет означать для СНГ. Во-первых, окончательная ли эта отставка, сумеют ли те лидеры стран СНГ, которые симпатизируют Березовскому, переломить, скажем, мнение Ельцина, и, во-вторых, вызовет ли эта отставка кризис внутри СНГ, кризис на уровне отношений между руководителями стран СНГ, поскольку Ельцин принял это решение односторонне. Мне был интересен именно ракурс СНГ.

— Как вы определяете приоритетность событий, когда выбираете их для своей программы?

— Темы моих передач диктует развитие политических событий. Все-таки я всегда стараюсь выбирать темы, которые, как мне кажется, имеют наибольшее значение не для Бориса Николаевича Ельцина или, допустим, Анатолия Борисовича Чубайса, а для национальных интересов страны. То есть темы, которые выходят за пределы чисто личностной схватки за власть.

— Однако вам нельзя не учитывать того обстоятельства, что события, которые вы анализируете в своей программе по воскресеньям, всю неделю уже обсуждались в газетах или на радио?

— Но об одном и том же самом событии можно говорить по-разному. Почему, например, люди так активно смотрели Сергея Доренко? Потому что им было интересно, что по тому или другому поводу думает Березовский. Доренко представлял определенную политическую силу. Киселев представляет другую политическую силу — интересно, что она говорит о том или другом событии, Сванидзе — третью. Возникает эффект повторяемости по теме, но не по внутреннему содержанию. Как правило, здесь всегда

есть различия. Если я не даю просто голую информацию, а даю анализ, окрашенный в индивидуальные цвета, мою личную позицию и так далее, то, мне кажется, здесь опасности смысловой повторяемости уже нет, это во-первых. А во-вторых, скажу еще раз, об одном и том же событии можно говорить по-разному. Например, наша передача об отставке Березовского была единственной, в которой я дал не версию события, а полный и подробный анализ того, что происходило с Березовским на посту исполнительного секретаря СНГ, всей этой истории. И сделал из этого соответствующие выводы.

— Какова ваша собственная роль в «Постскриптуме», кто вы: собеседник, оппонент, комментатор?

— Дело в том, что я сформировался не в коридорах «Останкино». Я пришел из аналитики и закалялся в деле подготовки аналитических записок для высшего руководства страны и в международных дебатах высокого уровня. Поэтому я с самого начала определил свое амплуа как человека, который, делая передачу, знает, что он хочет сказать. В силу своего профессионального прошлого я с самого начала взял курс на то, что моя позиция уже определена. В студии я как бы проверяю эту позицию. Я приглашаю людей, которые, скажем, против моей позиции. Я имею возможность высказаться и выслушать их аргументы. Но в результате я могу скорректировать свою позицию, если какие-то аргументы мне показались убедительными. Но я всегда начинаю с изучения проблемы: сначала ее представляю, потом даю ее анализ, потом мы беседуем, а потом по возможности корректирую свою позицию. То есть я с самого начала заявил себя как аналитик и не считаю нужным от этого отказываться. Ну а по отношению к тем, кого я приглашаю в программу, я и собеседник и оппонент.

— В каких моментах аналитической программы возможна импровизация?

— Наверное, только в беседе с

участниками передачи. А вообще любая аналитическая программа жестко просчитана. Другое дело, что у каждого ведущего свои задачи. Скажем, Доренко гордился тем, что он информационный киллер. Мне категория киллеров не очень приятна, и я считаю, что гордиться здесь нечем. И вообще это большевизм. Когда люди используют эфир, чтобы уничтожить своих противников, — это чисто большевистские методы. Если вы добиваетесь информационного убийства, то вы строите программу одним образом. Если вы ведете какую-то интригу, тогда другим. А если вы пытаетесь что-то выяснить и определить лучший ход действий в какой-то сложной политической ситуации, особенно с точки зрения интересов страны, а не какого-то конкретного политика, тогда вы строите ее совершенно иным образом.

— Скоро исполнится год, как ваша программа появилась в эфире. Вы собираетесь в ней что-то менять?

— Любая программа, какой бы индивидуальной она ни была, является продуктом всего канала. У ТВ Центра сегодня почти нет корреспондентов даже в ближнем зарубежье, не говоря уж о дальнем. В таких условиях делать еженедельную аналитическую программу очень трудно. Мы практически не имеем телеинформации

с мест. Иногда нам удается ее организовать, иногда я сам выезжаю куда-то. Например, я участвовал в Давосском форуме и сам снял передачу, посвященную этому событию. Или, скажем, иногда я выезжал в НАТО интервьюировать генерального секретаря. Но канал мне в этом, к сожалению, не оказывал никакого содействия. То есть в значительной степени передача работает за счет внутренних ресурсов и, конечно, это очень затрудняет нашу телевизионную задачу. В этом смысле аналитическая программа на ТВ Центре находится в гораздо худшем положении, чем на ОРТ, РТР и НТВ. Кроме того, тридцатиминутный формат для аналитической программы очень ограничивает ее возможности, поэтому имело бы смысл его несколько расширить, особенно при отсутствии другой аналитической программы на канале. Ну и конечно, нужно очень точно подобрать коллектив: это должны быть люди, которые хорошо понимают, что они делают.

— Какой теме будет посвящен завтрашний «Постскриптум»?

— Мы, что называется, доследим развитие темы отставки Березовского. И, по всей вероятности, сосредоточимся на проблеме наших отношений с Международным валютным фондом, которая стала почвой для многочисленных интриг в российской политике.

ИЗ ДОСЬЕ «НТ»

Алексей Пушков родился в 1954 г., окончил историко-дипломатический факультет МГИМО, кандидат исторических наук. Некоторое время преподавал в МГИМО, работал в Праге в журнале «Проблемы мира и социализма», был консультантом международного отдела ЦК КПСС, заместителем главного редактора газеты «Московские новости», директором по общественным и международным

связям ОРТ, политическим обозревателем «Независимой газеты». Постоянный эксперт мирового экономического форума в Давосе, член редколлегии американского журнала «Форин полиси», член президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП). В 1997 г. юри Давосского форума включило Алексея Пушкова в число глобальных лидеров завтрашнего дня. С апреля 1998 г. — автор и ведущий программы «Постскриптум» на канале ТВ Центр.